

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

В.Н.Княгинин, П.Г.Щедровицкий

ФОРМУЛА РАЗВИТИЯ

Препринт WP5/2003/02
Серия WP5
Новая экономика – Новое общество –
Новое государство

Москва
ГУ-ВШЭ
2003

УДК 339.9
ББК 65.5
К 54

Редакторы серии WP5
“Новая экономика — Новое общество — Новое государство”
Я.И. Кузьминов, А.А. Яковлев

К 54 **Княгинин В.Н., Щедровицкий П.Г.**
Формула развития: Препринт WP5/2003/02. — М.: ГУ ВШЭ,
2003. — 23 с.

УДК 339.9
ББК 65.5

© В.Н. Княгинин, 2003
© П.Г. Щедровицкий, 2003
© Оформление. ГУ ВШЭ, 2003

На рубеже нового столетия одним из наиболее серьезных вопросов, определяющих политику целых государств и их сообществ, стал вопрос о том, ***куда идет в своем развитии мир.***

Во второй половине XX в. явственно обозначились пределы роста традиционных индустриальных моделей развития, опирающихся на экстенсивные методы использования природных ресурсов, территории и человеческого потенциала. На фоне снижения рентабельности и роста издержек в традиционных индустриальных отраслях возник и стал быстро расширяться сектор ***инновационной экономики***, ориентированный на производство новых технологий — от научного открытия и изобретения до создания моды, стилей жизни и систем управления процессами расширенного использования нововведений. Поменялись не просто технологии и материально-предметная среда жизни, поменялись ***культурные парадигмы***, которым следовали люди в своей деятельности.

Мир геоэкономики (раx оесоnomicana)

В последней четверти XX в. в мире фактически сформировалось новое ***геоэкономическое пространство***, сложилась новая реальность транснациональных потоков сырьевых ресурсов, товаров и услуг, организационных, финансовых и человеческих капиталов, основанная на новых культурных образцах. При этом культура окончательно перестала быть национальной и превратилась в ***интернациональный*** феномен¹, который в силу своей

¹ Для объяснения возникновения нового типа культурных парадигм, которые уже не “крепятся” жестко на конфессиональную или этногосударственную принадлежность в США была разработана специальная теория ***социокультурной жизнеспособности*** (Томпсон и Вильдавский). Согласно этой теории социальная структура, т.е. политические и(или) социокультурные институты, и культура, т.е. ценности и поведенческие нормы, взаимно поддерживают друг друга. В социальной и политической практике они объединяются и формируют набор жизнеспособных образов жизни или типов культуры. С этой точки зрения сердцевину культуры составляют не общий

трансграничности и легкости распространения по новым коммуникационным каналам (кино, телевидение, Интернет, мировые торговые сети и пр.) стал казаться *космополитичным* (отсюда притязание на формирование “общечеловеческих ценностей”, “мировой моды”, “общемировых проектов” в виде “мирового спорта”, “мировых конкурсов красоты”, “теленостей со всего земного шара” в режиме “реального времени” и пр.).

Сохраняющиеся культурные различия в конце XX в. нашли выражение в диспропорциях темпов, направленности (стратегий) и стилей геоэкономического развития. Само возникновение *геоэкономики* стало основным механизмом геополитических и геокультурных изменений, нашедших одно из ярких выражений в неолиберальной доктрине: тактике дерегулирования экономической деятельности, приватизации и либерализации международной торговли и инвестиций. На деле же это означало закрепление сложившихся уже в конце XIX в. лидерских позиций *Запада* как особого культурно-экономического и политического сообщества, основанного на приоритете в социальных отношениях прав и свобод человека и гражданина, на представлении о социальной жизни как развитии, *рационально* проектируемом и достигаемом за счет индивидуализма и конкуренции².

язык или религиозные воззрения, не мода или конкретный набор способов поведения, а то, насколько последовательно одни и те же люди занимают сходные позиции по вопросам, которые кажутся связанными между собой. Внутреннее единство поведения выражается в едином стиле жизни. Он может быть присущ как отдельным социальным слоям, профессиональным группам, так и нациям и даже целым мировым сообществам. Именно такое понимание лежит в основании объяснения феномена интернационализации политической, управленческой, экологической и бизнес-культуры, возникновения мировых цепочек технологий, интернациональных финансовых рынков, мирового искусства и т.д.

² К. Коукер в своей работе “Сумерки Запада” отмечает, что Запад как единое сообщество сформировался только в конце XIX — начале XX в. в результате занятия США доминирующего положения среди индустриально развитых стран. Американца смогли сделать лидером общемировые ценности, провозглашенные французской революцией, но явленные миру в их американской интерпретации. Причем и Коукер, и многие другие англосаксонские обществоведы подчеркивают, что обе мировые войны XX в. были актом сопротивления со стороны Германии наступлению Запада на ее геополитические и геоэкономические позиции. Само образование Единой Европы во многом связано с культурно-политическим выбором Германии в пользу интеграции с Западом.

Перед лицом новых геоэкономических вызовов традиционные единицы хозяйственно-экономической деятельности и международной политики — национальное хозяйство и национальное государство перестают играть центральную роль³. На новом культурно-экономическом и политическом пространстве мира формируется ряд **мегарегионов**, объединяющих экономический потенциал нескольких национально-государственных образований и образующих новые мегарынки. На передний план в сфере геоэкономической конкуренции вышли **интегрированные бизнес-группы**, объединяющие инновационные проекты и крупное производство, ведущие свою деятельность в различных регионах мира на основе деловых сетей, по сути дела, являющихся “сгустками культуры” Запада, ее протоядрами⁴.

Главным итогом такого геоэкономического, культурного, а вслед за этим и политического переустройства мира стало оформление ряда больших технологий — цепочек активности, в которые связывалась (“упаковывалась”) деятельность людей уже не только в национальных границах, но по всему земному шару. Эти цепочки были изначально культурными феноменами и выражали ориентацию на вполне определенные ценности, образы будущего. Иными словами, за каждой из таких цепочек активностей стоял свой образ (проект) Будущего, собственная модель развития. В связи с этим не требует пространственных доказательств тезис, согласно которому выгоду от “связывания” ак-

³ Следует подчеркнуть, что, по мнению Валлерстайна, границы торговых и товарных цепочек никогда не совпадали с административными границами национальных государств. Первичным, с его точки зрения, является существование *раx oeconomicana*. Более того, экономической деятельности всегда был присущ феномен глобализации — первоначально торговой, а с конца XIX в. — производственной. Оформление национальных государств и существование их в качестве базовых единиц мирового политического и экономического процесса занимает небольшой промежуток времени между серединой XVII и серединой XIX вв.

⁴ Французский экономист Ж. Дюкло недавно ввел понятие “гипербуржуазии” — транснационального класса финансовых игроков и держателей глобальных активов. Анализ изменений мировой элиты на волне геоэкономических процессов дает ключ к пониманию феномена отечественной “олигархии”. Последние на рубеже 1990-х гг. сумели занять место бизнес-посредников между внутристрановыми ресурсами и глобальной экономикой — мировыми сетями производства и обращения.

тивности людей в определенную последовательность (линию) поведения извлекали в первую очередь те, кто задавал цель и смысл этой последовательности — производители проекта Будущего, на худой конец его трансляторы.

Страны и группы стран, которым удалось в конце 1960-х— начале 1970-х гг. “угадать” наиболее правдоподобные тенденции и сценарии мирового развития, а главное, в дальнейшем продемонстрировать убедительные образцы последнего, фактически получили доступ к ресурсам других стран, обеспечили свое доминирование в мировом сообществе. Этим странам как *держателям и создателям ценностей Будущего* удалось “связать” активность других стран, выступить лидерами данного сообщества, а также присвоить себе право *оценивать* действия последних с точки зрения их соответствия “продвигаемому” проекту Будущего⁵.

Страной, добившейся в XX в. наибольших успехов в “продвижении” своего проекта Будущего, стали Соединенные Штаты. Они совместно с Западной Европой выбрали *рационально-меркантилистское направление и модель развития* мира, а затем в течение прошедшего века распространили собственное видение Будущего в мировом сообществе, осуществив своего рода *культурную экспансию* на другие страны. Основной формой этой экспансии, как мы уже подчеркивали, стало финансово-экономическое и технологическое-инновационное давление. Сообщество культурно-ориентированных на эти образцы стран, корпораций, профессиональных и прочих сообществ получило название *“рахоэкономическая”*. Сегодня, когда рациональность измеряется в первую очередь меркантилистскими расчетами, а люди ориентированы на потребление, центром мира автоматически становится тот, кто управляет спросом и создает новые производственные технологии, кто управляет мировыми финансами и осуществляет эмиссию мировых валют.

⁵ В этом плане правы были те, кто подчеркивал преимущественно идеологический и психологический характер так называемой холодной войны. Это была борьба различных смыслов и мотивов человеческого поведения и деятельности, а вместе с тем — борьба антропологических концепций и проектов.

Проект “Будущее по-западному” еще не завершен

Появление инновационной экономики привело к взрывному росту *диспропорции* между различными регионами мирового хозяйства⁶ и даже в наиболее развитых регионах — между крупными городами и остальной территорией. Сегодня основной инновационный потенциал и обусловленный этим ресурс развития оказался сосредоточенным в небольшой группе стран⁷, а в них — в крупных городах и мегаполисах, превратившихся в центры транснационального предпринимательства и коммуникации, на долю которых приходится три четверти открытий и изобретений, сконцентрировавших в своих руках контроль над критическими инфраструктурами и способных в силу этого производить более 60% мирового ВВП.

Фактически процессы производственной и экономической интеграции, набиравшие силу в течение всего XX в., в последние годы приобрели форму *финансовой глобализации*, в которой после Второй мировой войны США взяли на себя роль управляющего центра в производстве новых типов финансовых инструментов и формировании “мировых денег”⁸. Выступая центром эмиссии доллара как мировой валюты⁹, США смогли навязать

⁶ Социальное неравенство, характерное для капитализма на всех стадиях его развития, в XX в. приобрело форму географического неравенства. Процесс становления капитализма всегда предполагал, с одной стороны, разрушение семейных, цеховых, ремесленных форм организации производства с последующим развитием рынка факторов производства, с другой стороны — региональное и страновое разделение труда. Сегодня мы можем констатировать тенденцию концентрации доходов в странах с более развитой социальной организацией, генерирующих технологический прогресс.

⁷ Уже в 1993 г. в 10 странах было сосредоточено 84% мировых НИОКР. Фактически сложилось разделение труда между производителями знаний, живущими в немногочисленных глобальных городах, и остальным миром, состоящим из “зависимых” экономик.

⁸ Именно неолиберализм обосновывал возможность выделения денежной составляющей из системы национального хозяйства и создания мирового платежного средства.

⁹ К концу 1990-х гг. к доллару как инструменту финансового управления миром добавились еще и революционные банковские технологии — инфраструктура, которая за счет повсеместной доступности финансовых рынков и возможности совершать операции на них в режиме “on line”, преобразовала финансовое пространство

целому ряду стран стратегию догоняющего развития (догоняющей модернизации). В 1997 г. негативные последствия названного типа глобализации для большинства развивающихся и новых индустриальных стран, о которых в последней четверти столетия много говорили эксперты, приобрели явный и системный характер.

Фактически в начале XXI в. мы вынуждены констатировать провал стратегий развития, опирающихся на концепции и проекты финансовой глобализации. Это выразилось в целой серии военных конфликтов с участием Запада, носивших со стороны последнего явно имперский характер, а также в финансовых потрясениях, прокатившихся по развивающимся и новым индустриальным странам. Вопреки распространенному мнению проблемное поле мирового развития конца XX — начала XXI вв. является не только пространством действия для аутсайдеров данного процесса так называемых стран-изгоев. Серьезные проблемы характеризуют сегодня процессы развития первой десятки стран-лидеров. Что касается центров *Rex Oeconomicana*, то их проблемы могут быть определены в терминах сохранения управляемости и контроля за состоянием ***геоэкономической конфигурации мирового развития***.

Во-первых, следует назвать проблему ***фрагментации*** Запада, обусловленную его внутренней конкуренцией за роль центра (“главной метрополии”) *rex oeconomicana*. Причем речь идет не только о широко обсуждающейся проблеме соперничества США, Западной Европы и Японии, но и о самом характере организации (конфигурации) пространства Запада: будет ли он представлен союзом стран, локальных регионов (скажем, городских агломераций, таких, как, например, “Осака — Киото — Кобе” или локальный район на границе США и Мексики от Сан-Франциско до Тихуаны) либо мегаполисов (пять мегаполисов обеспе-

мира в единую финансовую “империю”. На роль “метрополии” в ней в большей степени, чем другие, могли претендовать Федеральная резервная система США и американский банковский капитал. При этом следует учитывать исключительное значение для мирового хозяйства американских транснациональных компаний и Нью-Йоркской фондовой биржи, ставшей “площадкой проектирования Будущего” для всего мира, символически представленного на ней в виде ценных бумаг. С этой точки зрения символический смысл события 11 сентября состоял в атаке на “образ Будущего”, продвигаемый США, а точнее — на место его “производства”.

чивают производство 50% ВВП Европейского сообщества)? Проект “Будущее по-западному” отнюдь не завершен и в действительности многовариантен, он инициируется и реализуется сразу несколькими субъектами, интересы которых нередко вступают в противоречие друг с другом.

Во-вторых, можно говорить о проблеме удержания зоны *культурной и экономической ответственности* Запада. Последний, строя *Rex Oeconomicana*, вынужден затрачивать огромные усилия на сохранение стабильности финансовых и товарных рынков, на поддержание демократии и безопасности в мире. Расширившаяся после распада “социалистического лагеря” чуть ли не до масштабов всего земного шара зона культурной и экономической ответственности Запада увеличивает, с одной стороны, традиционно выделяемый в геополитике “груз обеспечения” (logistical loads) в виде роста затрат на содержание на обширной территории военных баз и проведения “миротворческих операций” на разных континентах. С другой стороны, увеличиваются затраты на финансовые интервенции для поддержания национальных и региональных рынков (некоторые страны “зоны ответственности” Запада для стабилизации своих денежно-финансовых систем начиная с 1997 г. получили десятки миллиардов долларов в качестве стабилизационных кредитов и пр.)¹⁰.

В-третьих, постоянно сохраняется возможность реализации одним из периферийных акторов *rex oeconomicana* собственного культурного проекта Будущего. Сокращая зону своей ответственности, Запад стимулирует поиск и создание *альтернативных* проектов, открывая идеологическое и политическое пространство для их утверждения и предоставляя географическое пространство для их территориальной локализации¹¹. Формулироваться и утверждаться данные проекты скорее всего будут в кон-

¹⁰ Политическая и экономическая катастрофа, постигшая многие страны Африки в 80—90-е гг. XX в., во многом связана с тем, что эти страны выпали из зоны экономической и культурной ответственности более развитых стран (либо из-за распада СССР, либо из-за отказа Запада патронировать их развитие).

¹¹ После распада СССР на роль источника альтернативного видения Будущего претендуют различные контрэлиты Запада. А “ззором”, в котором возникает пространство для этого процесса, является своеобразный интеллектуальный и идеологический “закат Европы” (как проблема, сформулированная О. Шпенглером еще в начале XX в.).

фликтной форме: на основе движения сопротивления Западу (или процессам глобализации), этнического протеста против доминирования чужой культуры, конфессиональных конфликтов.

Проблемным выглядит в наступающем веке развитие также и для стран, не относящихся к “метрополии” *рах оекономісана* и вынужденных соотносить выработку и реализацию своих проектов Будущего с доминирующей в мире западной моделью развития.

Во-первых, присоединение той или иной страны к *рах оекономісана* **не происходит автоматически**, а всегда нуждается в санкционировании со стороны ключевых центров управления этим миром. Функции последнего разделены между различными институтами: конгрессом США и американским президентом, принимающими решения о доступе на свой рынок различных товаров и услуг, о финансовой и прочей помощи и т.д.; созданной в 1975 г. в Рамбуйе “семеркой” (G-7), а еще ВТО, МВФ, МБРР и массой других организаций. Сам акт санкционирования означает оценку культуры страны как “конвертируемой” в ценности западного общества. Государства, прошедшие “проверку” на культурную совместимость, включаются в **зону культурной и экономической ответственности** центра *рах оекономісана*, получая финансовую, военно-политическую, культурную и технологическую поддержку со стороны Запада.

Во-вторых, выбор рационально-меркантилистского направления развития для отдельных стран автоматически **не влечет** за собой технологического и культурного **роста**. Многие страны остаются **периферией** *рах оекономісана*, получая при распределении экономических функций внутри него в основном роль источников сырья и площадок для размещения устаревающих, а зачастую и экологически вредных технологий. Дисбаланс в развитии центра и периферии “нового мирового порядка” ощущается все острее.

В-третьих, несмотря на все усиливающееся влияние центра управления *рах оекономісана* на мировые дела, в мире сохраняются сообщества, культуры которых **не конвертируются в ценности Запада**, а избираемые образцы развития либо полностью не совпадают с “американским проектом”, либо предполагают замену США на посту лидера, а значит, новое форматирование сложившихся культурно-экономических и военно-политических связей.

Сценарии изменений на пороге XXI в.

Эксперты и аналитики выделяют как минимум три возможных сценария развития событий в первой половине XXI в. **Первый сценарий** предполагает дальнейшее развертывание конструктивно-мультикультурного диалога и взаимодействия между развитыми и развивающимися странами, направленного на преодоление накопившихся противоречий¹². **Второй сценарий** предполагает, что возникнет новая биполярная конструкция конкуренции и сдерживания¹³. **Третий сценарий** предполагает фрагментацию мирового пространства на несколько культурно-конфессиональных и экономических регионов (групп государств), находящихся в состоянии продолжающегося конфликта и конкуренции друг с другом¹⁴.

Реализация каждого из названных сценариев возможна в результате различных процессов, имеющих глобальный характер.

1. В результате консолидации стран, которым фактически не нашлось места в *рах оекономісана*. Ясно, что эти страны будут продолжать искать **собственное направление развития**, может быть, вместе с новым проектом Будущего для себя и для мира. Если этот поиск окажется результативным, то зона культурной ответственности США и Европы (зона культурного доминирования) может сократиться теперь уже отнюдь не по инициативе последних.

2. В результате “столкновения цивилизаций”. В наступающем столетии конфликты могут возникнуть как за удержание периферии зоны культурной ответственности, так и за сохранение национального единства самих центров *рах оекономісана*¹⁵. При-

¹² Именно этот сценарий, на наш взгляд, пыталась реализовать вторая администрация Клинтона взамен неудачных попыток построить однополярный мир, опирающийся на доминирование США.

¹³ Высока вероятность, что новая биполярная конструкция будет опираться на противостояние Север — Юг, а лидерами станут США и Китай. Также вероятно, что в 20—30-летней перспективе место США в этой модели займет объединенная Европа.

¹⁴ Этот сценарий в явной форме описал в своих работах С. Хантингтон, назвав его “столкновением цивилизаций”. Следует подчеркнуть, что он не делает понятийного различия между “цивилизациями” и “культурами”.

¹⁵ Удержание ими зоны культурной ответственности неизбежно приведет к постепенному перемещению активности людей из периферийных районов на их территорию, что может кардинальным образом поменять характер сообществ этих центров, их этнический состав и ценностно-культурную среду внутри (проблемы американского и европейских обществ 2050 г., вызванные изменениями их этнического и культурного состава — характерный тому пример).

чем столкновение с “неконвертируемыми” культурами с неизбежностью будет приобретать драматические формы. “Виртуальная” шкала ценностей, созданная и хранящаяся одним субъектом, не может быть поколеблена другим субъектом при помощи одних лишь оценочных суждений. Спор об оценках всегда разрешается действием. К сожалению, действие в данном случае скорее всего будет войной или военным конфликтом иного рода¹⁶. Причем речь идет не обязательно о глобальной войне. Достаточно серии рассыпанных по периферии сообщества очагов военной, экологической или социальной напряженности, чтобы *инициировать пространственное смещение центра “шкалы координат”*, при помощи которой изменение оценивается как “развитие”, страны и сообщества располагаются как “лидеры” и “ведомые” и т.п.

3. В результате модернизации политики строительства *раx oeconomicana* его центром. Вероятно, что такая модернизация может быть реализована как переход к стратегии *социокультурной глобализации* и новой пространственной организации мира с выделением новых зон культурной и экономической ответственности.

Выход из кризиса: игра на опережение

Можно констатировать, что переход от одной модели развития к другой, от индустриальной к инновационной экономике не может произойти безболезненно. Многие эксперты согласны с тем, что события 1997 г. — это только первые симптомы надвигающегося глобального финансово-экономического и политического кризиса¹⁷. Названный кризис знаменует собой за-

¹⁶ Факт, что войны разрешают в первую очередь культурные конфликты и являются неизбежным следствием глобальной конкуренции разных проектов Будущего, является на Западе общепризнанным и неоднократно фиксировался как в трудах классиков западного обществоведения (П. Сорокин), так и современными идеологами и консультантами государственных администраций центров *раx oeconomicana* (С. Хантингтон, Р. Коллинз и др.).

¹⁷ Здесь и далее мы исходим из того, что кризис — это такое состояние системы деятельности, при котором достижение краткосрочных целей препятствует достижению средне- и долгосрочных целей того же субъекта действия (деятельности), и наоборот. Можно предположить, что период кризиса будет продолжаться с 2000 до 2035 г., а пик кризиса придется на 2015—2019 гг. По мнению Валлерстайна, эти периоды характеризуются комплексом противоречий, когда в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе для социальных и экономических агентов оптимальны

вершение почти столетнего *большого экономического цикла*. Как показывает исторический опыт, именно эти — переломные периоды мирового развития характеризуются повышенной конфликтностью.

Можно предположить, что названный кризис будет вызван рассогласованием между *базовыми процессами* неоиндустриального развития с опорой на инновационный комплекс, с одной стороны, и *ключевыми инфраструктурами*, обеспечивающими обращение мировых ресурсов, с другой. В качестве ключевых ресурсов следует назвать человеческие, биосферные, организационные, финансовые, культурно-образовательные и т.д. Доставшись нам в наследство от предыдущего этапа индустриального развития, базовые инфраструктуры не способны справиться с новыми геоэкономическими вызовами и резко возросшими темпами постиндустриального развития. В связи с этим надвигающийся кризис будет скорее всего иметь “матрешечную” структуру: в ядре — кризис перепроизводства нововведений, а на периферии — кризис “коммуникационных инфраструктур” различного типа, в том числе ключевой инфраструктуры: сложившейся системы координации интересов и принятия коллективных решений¹⁸.

Стоит напомнить, что *кризис середины XIX в.* был вызван рассогласованием между процессами массового индустриального производства, возникшего в крупных европейских городах на волне промышленной революции, и инфраструктурами, обеспечивающими производственные процессы, жизнедеятельность городов и воспроизводство рабочей силы. *Кризис конца 20-х — начала 30-х гг. XX в.* в США и других развитых индустриальных странах был вызван разрывом между процессами бурно расширяющегося индустриального производства и инфраструктурами, обеспечивающими потребление и сбыт товаров и услуг массового спроса.

разные комплексы поведения: “...долгосрочная проблема, создаваемая противоречиями системы, возникает тогда, когда столетние тренды достигают пункта, в котором среднесрочные решения краткосрочных проблем не являются более эффективными даже в среднесрочной перспективе”.

¹⁸ Подробнее по этому поводу см.: Щедровицкий П.Г. Мировой кризис, причины его возникновения и создание институтов коллективных решений // Бизнес Мост. 2001. № 6 (27).

Как показывает опыт, процессы развития могут быть описаны с использованием **“волновых” моделей** и, с этой точки зрения, всегда проходят несколько стадий. В ходе первой, “малой” волны новообразование еще не выделилось в самостоятельный организм; оно продолжает существовать в теле старой структуры и во многом по ее логике и правилам. Будучи лишь обозначением некоторой тенденции, направления развития, это новообразование не приобретает доминирующего значения, а существует в скрытой, или, пользуясь биологической метафорой, рецессивной форме. Лишь на следующем шаге “большой” волны происходит своеобразная историческая корректировка и самого новообразования, и условий его массовой реализации.

Исторический опыт показывает, что разрешение социокультурных и экономических кризисов каждый раз предполагает проектирование и строительство **новых институтов**, обеспечивающих преодоление ключевого разрыва **между новыми базовыми процессами и старыми инфраструктурами**. В середине XIX в. такими институтами стали железные дороги, городское коммунальное хозяйство, государственная промышленная политика, профсоюзное движение, научная организация труда. В середине XX в. — потребительский кредит, общество всеобщего благосостояния, сеть супермаркетов, новая волна управленческих профессий, опирающихся на рекламу и маркетинг, план Маршалла и международные финансовые организации.

Разрыв между новыми хозяйственно-экономическими реалиями инновационной экономики и традиционными инфраструктурами, обеспечивающими обращение и распределение глобальных ресурсов, сегодня прежде всего выражается в концептуально-идеологической плоскости. В последней четверти XX в. обострилось идеологическое и политическое сопротивление процессам глобализации. Несмотря на отсутствие внятной альтернативы¹⁹, усилились автаркические и националистические тенденции самоопределения отдельных этнических групп и стран. Новые индустриаль-

¹⁹ Для большинства экспертов и аналитиков очевидно, что попытка со стороны той или иной страны в индивидуальном порядке отгородиться от процессов глобализации приведет сегодня к опустошению экономики и закрытию доступа к средне- и долгосрочным источникам роста.

ные страны — прежде всего Китай, Индия и государства исламского мира бросают США и Европе не только геоэкономический, но и геокультурный вызов. Период 2001—2002 гг. фактически привел к саморазрушению концепции самоподдерживающегося (устойчивого) развития, претендовавшей в течение последнего десятилетия на роль “рамки” для стратегического партнерства развитых и развивающихся стран.

Мировое развитие вступило в фазу *глобальной неопределенности*, когда процессы кооперации и конкуренции основных центров силы происходят на фоне кардинальных изменений моделей развития.

Это, в частности, означает, *что у России на рубеже XXI в. появляется исторический шанс* оптимизировать свое геоэкономическое и геокультурное положение. В подобные периоды мировой истории выигрывает не то общество и государство, которое делает резкие политические и, тем более, военные “скачки” вперед, а то, которое медленно продвигается к формированию новых типов деятельности и обеспечению долгосрочной конкурентоспособности страновых ресурсов на мировой арене. С этой точки зрения можно сказать, что государство и государственность есть совокупность институтов, обеспечивающих включение общества и общественных (страновых) ресурсов в процессы мирового исторического развития.

Шанс для России

При оценке мировой расстановки сил и планировании действий России в геоэкономическом контексте целесообразно использовать категорию *“конвертируемые культуры”*, подразумевая под последними системы базовых ценностей и норм, позволяющих выстраивать безопасное сотрудничество между различными сообществами, а также категорию *“зона культурной ответственности”*. Очевидно, что для России в среднесрочной перспективе наибольшую опасность представляет собой соседство или даже соперничество (за периферию, территорию, иные ресурсы) со странами с “неконвертируемыми культурами”. Тем более опасной является любая международно-политическая ситуация, в которой Россия становится заложником и тем более “полем бит-

вы” различных культур. Определение комплиментарной культуры и поиск с ней зон взаимной конвертации ценностей может стать одной из главных задач для внешней политики страны²⁰.

Для диалога с США и Европой, претендующими на роль центра *раx oesopotisana*, может быть предложена рабочая доктрина выделения **зон совместной культурной ответственности и совместных проектов**²¹. Принципы последней должны быть формализованы в соответствующих международно-правовых документах. Фиксация этой ответственности, возможно, позволит поновому описать “карту мира” и выделить направления **возможного совместного развития**²².

В частности, в ситуации смены модели развития, в ситуации кризиса стратегии финансовой глобализации и поддерживающих ее институтов Россия может претендовать на развертывание на своей территории **полномасштабного контура инновационной экономики как актуальной и потенциальной зоны культурной ответственности**²³. На фоне поиска и отработки разными странами и диаспорами альтернативных сценариев социокультурной и культурно-политической глобализации у России остается шанс — не только выступить географическим “перекрестком” между крупнейшими мегарегионами мирового развития, но и способствовать формированию схем и моделей функционирования инновационной экономики с опорой на иной тип

²⁰ Поэтому перспективными являются восстановление единства христианского мира, “экологизация” хозяйственной деятельности, формирование культурных и научных торговых марок.

²¹ На наш взгляд, опыт 1990-х гг. показывает, что невозможно стабилизировать ситуацию в стране без разработки геоэкономической стратегии лишь на основе внутристрановой финансовой стабилизации и промышленной политики.

²² Фактически сегодня мы являемся свидетелями переосмысления понятия суверенитета. Подлинный суверенитет проявляется в возможности и способности участвовать в постановке и поиске путей решения мировых проблем.

²³ Конкуренентоспособность России как экспортера сырья и энергоносителей чрезвычайно уязвима. Развертывание программ в обрабатывающей промышленности связано с масштабными инвестициями и не учитывает, с одной стороны, высокой цены инфраструктурных издержек, а с другой — растущей конкуренции со стороны НИС. В то же время существующие проекты добычи, транспортировки и переработки сырьевых ресурсов, на наш взгляд, могут выступить в роли квазирынков для формирования инновационной экономики.

социокультурных и управленческих институтов. Именно эта задача может рассматриваться как вариант **стратегического позиционирования России в мире**.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что инновационная экономика без избыточной финансовой подпитки и использования механизмов “утечки мозгов” (к которым в полном объеме прибегали США в XIX и XX вв.) **не будет обладать потенциалом взрывного роста**. Это означает, что даже при самых благоприятных обстоятельствах Россия должна потратить на выстраивание жизнеспособного и устойчивого контура инновационной экономики не менее 6—8 лет. Для того чтобы за эти годы не произошло масштабного обвала инженерных инфраструктур индустриального типа, городских коммунальных систем, систем, поддерживающих технологии социальной политики и воспроизводства человеческих ресурсов, необходимо придумать и развернуть **серию проектов среднесрочного масштаба**, направленных на поддержание существующего хозяйственно-экономического комплекса и социальной сферы.

Перечень этих проектов может стать предметом среднесрочной стратегической программы регионального развития. Вероятно, к их числу следует отнести ряд проектов:

- в сфере глобального транспорта и транзитной экономики;
- в сфере атомной энергетики и создания новой энергетической инфраструктуры;
- в сфере ресурсосбережения и оптимизации использования природных и биосферных ресурсов (лес, рыба, вода, нефть, газ и т.д.);
- в сфере производства, переработки и сбыта продовольствия.

Следует подчеркнуть, что названные направления могут выступить в качестве **институционального заказчика** на разработки в инновационной сфере.

О роли государства

Стимулирование проектов переходного периода, так же, как и создание полномасштабной культурной и научно-технической политики, поддерживающей инновационную экономику для

России на рубеже столетий, невозможно без участия *государства*. Функции “государственного управления” меняются на различных этапах мирового процесса, отражая как появление новых глобальных вызовов, так и специфику конкретного общества. В середине XIX в. в ответ на вызовы процессов индустриализации возник феномен государственного промышленного протекционизма. В первой половине XX в. основной функцией государства была охрана “денежной системы”. Во второй половине XX в. государство столкнулось с необходимостью стимулировать разработку и использование нововведений²⁴.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что инновационный процесс не может и не должен рассматриваться исключительно в технократической парадигме — ни в категориях научного поиска, ни тем более в рамках понятия “инженерного изобретения”. Появление любого нововведения — особенно в социокультурной сфере — изменяет принятые способы думать и делать и, как следствие, меняет *сознание и самоопределение больших масс людей*. Изменение сознания людей и тем более изменение привычных и устоявшихся десятилетиями (а иногда и столетиями) способов делать — чрезвычайно инерционный и в силу этого длительный процесс. Если разработка и создание технической части инновационного процесса занимает от двух до десяти лет, то изменения в сознании, перестройка систем обучения и подготовки кадров, социальных систем, политических институтов, культурных норм могут растягиваться на двадцать — тридцать, а иногда и пятьдесят лет. Управление инновационным процессом в этом масштабе предполагает наличие и умение использовать комплекс *гуманитарных технологий*, без которых и вне которых само по себе научное открытие или техническое (инженерное) изобретение не обеспечивает ни создания, ни внедрения нововведения.

²⁴ Так, М. Кастельс подчеркивает, что “роль государства остается существенной в проведении технологической политики, обеспечении человеческими ресурсами (образование на всех уровнях) и технологической инфраструктурой (особенно доступными, дешевыми, высококачественными средствами связи и информационными системами” (Глобальный капитализм и Россия. М., 1999). Только государство в эпоху геоэкономики может противостоять неравноправному обмену, вытекающему из специфики глобальных рынков.

Можно сказать, что все суперсовременные социально-экономические реалии развитого мира являются *порождением инновационной политики фирм на рынке, поддержанной государством*. Это маркетинг, опирающийся на директиву модернизировать производственно-технологические процессы за счет НИОКР. Это стратегическое управление по целям и точкам роста (инновационным прорывам). Это постоянная модернизация систем корпоративного управления, развитие системы ИР. Это поддержка фирм и проектов на региональных и мировых рынках²⁵. Это, наконец, пристальное внимание к “человеческому фактору”, творцу и мотору инновационного процесса.

Именно поэтому наряду с разработкой основных принципов и направлений инновационной и, уже, научно-технической и технологической политики, современное государство призвано взять на себя миссию и функцию *обеспечения доступа населения к ресурсам развития*. Развитие в современном мире сегодня также оказывается дефицитным ресурсом. Неравенство в сфере культуры, образования и мобильности оказывается основным фактором воспроизводства отсталости и бедности. Именно государство может выступить в роли “гувернера”, поддерживающего качество *человеческого капитала* на территории России и, более широко, уровень конкурентоспособности всех тех, кто говорит и думает на *русском языке*.

Таким образом, развитие человеческого капитала наряду со стимулированием инновационных процессов становится основным приоритетом долгосрочной государственной политики²⁶. Добавим к этому, что мегапроект под общим названием “Инновационная Россия” может стать предметом *стратегического парт-*

²⁵ По мнению Броделя, понятие контролируемой (управляемой) конкуренции в разные эпохи насыщалось разным содержанием: от колониальной политики XV—XVIII вв. до финансовых спекуляций второй половины XX в. Цены на нефть, так же, как и цены на инновационные продукты, определяются геополитическим соотношением сил.

²⁶ Подробнее по этому поводу см.: Щедровицкий П.Г. Русский Мир. Возможные цели самоопределения // Независимая газета. 2000. 14 февраля; Его же. Государство в эпоху гуманитарных технологий // Русский журнал. 2000. 21 июля; Его же. Инновационный сценарий для России // Ведомости. 2002. 27 мая.

нерства и политического консенсуса между сторонниками неолиберального (рыночного) и традиционалистского (дирижистского) подходов в системе государственного управления. Тем самым появляется вероятность преодоления паралича властных структур и институтов, вызванного идеологическим противостоянием ключевых элитных групп²⁷.

Вместе с тем подобная задача требует кардинального изменения арсенала **технологий государственного управления**, средств и методов, которыми пользуется государственный служащий — практически на любом рабочем месте. В наиболее широкой постановке современный государственный служащий должен владеть навыками коммуникации с гражданским обществом, проектного и ситуационного управления, пакетом гуманитарных технологий, методами решения проблем (задач) в условиях неполной информации и коллективного действия, а также методами локального социокультурного и экономического планирования.

В институциональном плане необходимо отказаться от отраслевой логики планирования и управления, сформировать новую систему долгосрочного пространственного развития территориальных образований и координации крупных инфраструктурных проектов; обеспечить комплексность (согласованность) мер, направленных:

- на ресурсосбережение и обеспечение безопасности жизнедеятельности населения на территории;
- капитализацию человеческих ресурсов и обеспечение мобильности социального капитала;
- рост производительности общественного капитала и обеспечение стратегической занятости населения в интеллектуальных сферах деятельности.

²⁷ В самом общем виде можно сказать, что сегодня существует по крайней мере три разных подхода к осуществлению функций государственного управления: военно-мобилизационный, социально-патерналистский и либерально-рыночный (в котором государство предстает как совокупность рыночно предоставляемых услуг). Каждый из этих подходов фактически интегрирует до трети государственных чиновников. Одновременно это означает, что против любого решения — разработанного и предложенного в одной из парадигм — всегда возникает подавляющее противодействие со стороны оставшихся двух третей.

Таким образом, речь идет о формировании *эффективного партнерского государства* — системы институтов, призванных соединить федеральную вертикаль стратегического видения с федеральной и региональной горизонталью обеспечения прав граждан на доступ к ресурсам развития.

Оглавление

Мир геэкономикки (рах оeconomicana)	3
Проект “Будущее по-западному” еще не завершен	7
Сценарии изменений на пороге XXI в.	11
Выход из кризиса: игра на опережение	12
Шанс для России	15
О роли государства	17

Препринт WP5/2003/02

Серия WP5

Новая экономика — Новое общество — Новое государство

Княгинин Владимир Николаевич
Щедровицкий Петр Георгиевич

Формула развития

Публикуется в авторской редакции
Ответственный за выпуск *Е.А. Рязанцева*
Оформление серии *А.М. Павлов*
Корректор *Е.Е. Андреева*
Компьютерная верстка *О.А. Корытько*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.

Подписано в печать 25.02.2003 г. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.

Печать трафаретная. Гарнитура Таймс. Тираж 250 экз. Уч.-изд. л. 1,1.

Усл. печ. л. 1,33. Заказ № 28. Изд. № 295

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3

Для заметок
